

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕЖНЕГО ЕВРОЦЕНТРИЗМА

ВЯЧЕСЛАВ СЕРБИНЕНКО

*Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
истории отечественной философии философского факультета
Российского государственного гуманитарного университета*

Рефлексия по поводу взаимоотношения с западной культурной традицией — важнейшая особенность развития русской культуры XIX в., непосредственно связанная с формированием ее своеобразных, уникальных черт. Значительно реже в этот период в сфере самосознания отечественной культуры оказывается проблема ее исторически глубоких отношений с восточным культурным ареалом. В особенности, Дальний Восток, давний географический сосед России, в культурном отношении на протяжении практически всего столетия воспринимался как действительно «дальний» и чуждый мир, весьма слабо соотносящийся с внутренними национальными проблемами общественного и культурного развития. В частности, радикальные перемены, происходившие в японском обществе после событий Мэйдзи исин (1867–1868 гг.), отмечались учеными-востоковедами (например, В.П. Васильевым), но вплоть до японо-китайской войны 1894–95 гг. они не получили адекватной общественной оценки, а в полной мере, как показала дальнейшая история, не были поняты и после этой войны.

В «бичуринский период» отечественной синологии (30–40-е годы) интерес к Китаю проявляют

многие деятели русской культуры. В немалой степени это общественное внимание связано с незаурядной личностью самого основоположника русского китаеведения. Однако объяснение «бичуринского феномена» следует искать не только в особенностях личности выдающегося ученого и не в экзотической новизне информации: образ Китая для России 30–40-х годов XIX в. ничего принципиально нового уже собой не представлял, будучи хорошо известным по западноевропей-

ским образцам стиля шинуэ-зри. Общественный интерес к деятельности Бичурина был в первую очередь реакцией (далеко не всегда однозначно положительной) на трезвость и конкретность научного подхода, позволившего внезапно увидеть дальневосточную традицию во всей реальности ее культурного содержания. Соответственно эта деятельность носила отнюдь не только «просветительский», но, что

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА ПРОТЯЖЕНИИ ПРАКТИЧЕСКИ ВСЕГО СТОЛЕТИЯ ВОСПРИНИМАЛСЯ КАК ДЕЙСТВИТЕЛЬНО «ДАЛЬНИЙ» И ЧУЖДЫЙ МИР

очень важно, полемический характер. Бичурину приходилось выступать против весьма распространенных тогда в Европе и в России представлений о Китае как символе социального застоя, косности и национализма. Недооценка китайской культурной традиции имела общеевропейские корни и нашла, например, определенное теоретическое обоснование в трудах столь авторитетных в России

авторов, как И. Гердер и Г.В.Ф. Гегель¹. Естественно, что влияние западных идейных стандартов существенно способствовало формированию в русском обществе скептического отношения к истории китайской культуры². К тому же необходимо учитывать, что в России 30–40 годов XIX в. соответствующая «китайская» символика активно использовалась либеральной публицистикой в критике российского консерватизма³.

В 40–50 годы XIX в. в России китайская культура редко становилась объектом специального философско-культурологического анализа. Нечастыми были попытки философски обобщить новый научный опыт изучения дальневосточного региона. Особый интерес поэтому представляет наиболее систематическая и оригинальная попытка такого рода, предпринятая лидером славянофилов А. С. Хомяковым в его «Записках о всемирной истории», известных также под именем «Семирамида».

Аналитика Хомякова включала в себя весьма позитивную общую оценку значения китайского культурного опыта: «Не слава битв, не века дикого геройства окружают колыбель Восточной державы, но слава мирных изобретений, побед над непокорными силами природы и нравственной мысли в беспрестанном приложении к быту государственному»⁴. Консервативно настроенному русскому философу особенно импонировал традиционализм конфуцианской этики, основоположника которой он ставил в этом отношении «выше всех философов в целом свете»⁵.

1 Речь идет об общей европоцентристской методологии философии истории немецких мыслителей, позволявшей, например, Гегелю не включать Китай в «пределы всемирной истории», а Гердеру писать о китайской культуре как о «тысячелетнем топтании на одном месте». Факт влияния гегелевской философии истории на русскую общественную мысль XIX в. общепризнан, об авторитетности же в России исторических воззрений Гердера свидетельствует, например, энергичное выступление Белинского в защиту «великого Гердера». См.: Белинский В. Полн. собр. соч. М., 1953. Т. 2. С. 67.

2 Так, И. С. Гагарин (представитель консервативного крыла русского «западничества», впоследствии член Ордена иезуитов и католический теолог) в 1842 г. в письме И. В. Киреевскому противопоставляет «просвещенной» Греции косный, националистический Китай (впервые опубликовано в католическом журнале «Simvol». Р., 1980. № 4. Р. 177). В славянофильской среде, в чей адрес неоднократно направлялись упреки в «китаизме», подобная аргументация воспринималась достаточно серьезно. См., например, переписку И. Киреевского с А. И. Кошелевым (Киреевский И. В. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 2. С. 273)

3 С этим связано, в частности, то обстоятельство, что В. Г. Белинский, отдавая должное научному значению трудов Н. Я. Бичурина, в то же время остро реагировал на имевшиеся в них, по его мнению, тенденции идеализации китайского общества. Ср. также характерное использование «китайской» символики А. И. Герценом в его иронических рассуждениях об особенностях культурной жизни в Петербурге и Москве (1842): «Летарический сон Москвы придает москвичам их пекино-хунунорский характер стоячести, который навел бы уныние на самого отца Иакинфа (Н. Я. Бичурин. — В. С.)». (Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. ПГ, 1919. Т. III. С. 11).

4 Хомяков А. С. Полн. собр. соч. 2-е изд. М., 1892. Т. 3. С. 368.

5 Там же. М., 1900. Т. 7. С. 136.

Никита Яковлевич Бигурин (1777 – 1853) –

выдающийся ученый, активно пропагандировавший в обществе научные знания о китайской культуре, регулярно сотрудничавший во многих журналах («Московский вестник», «Московский телеграф», «Москвитянин» и др.), оказавший непосредственное влияние на А. С. Пушкина, В. Ф. Одоевского, М. П. Погодина и многих других.

Хотя и в дальнейшем, во второй половине XIX в., влияние отечественного востоковедения на формирование в обществе представлений о дальневосточной культуре не было определяющим, оно имело постоянный и глубокий характер и приносило свои плоды. В 1888 г. выходит труд выдающегося русского китаевода С. М. Георгиевского «Принципы жизни Китая». Именно на эту работу, при общей ее положительной оценке, опирался крупнейший русский философ XIX в. Вл. Соловьев в своей статье «Китай и Европа» (1890). Решающую роль в формировании у Вл. Соловьева убеждения в необходимости специального рассмотрения дальневосточной культуры сыграла его полемика с создателем теории «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевским, а в дальнейшем со сторонниками последнего: Н. Страховым, К. Леонтьевым и др.

Начало спору положил, однако, сам Данилевский, когда в последний год жизни (1885) опубликовал статью «Вл. Соловьев о православии и католицизме», где в частности, Соловьев критикуется за то, что он в работе «Великий спор и христианская политика» (1883) строит обоснование универсализма мировой истории на противопоставлении Запада и Востока. Активная роль при этом отводилась Соловьевым западной культуре, формирующей принцип «самодетельности» человека. Значение Востока определялось особым, созерцательно-пассивным восприятием сверхъестественного.

Находя такое различие западной и восточной культур слишком общим, Данилевский замечает, что оно ничего не дает для понимания своеобразия китайской культуры: «Но ни один народ в мире не заботился менее о сверхъестественной силе, как та треть человечества, которая жила в Китае, как раз на самом настоящем Востоке. Следовательно, эту неудобную и неподатливую на схемы треть человечества приходится выкинуть из истории... Выключение его мотивируется тем, что Китай уже чересчур восточен по своей

замкнутости и неподвижности. Но замкнутость его происходила от чисто внешних географических причин, но по духу же и направлению не менее его были замкнуты Индия и Египет. Что же касается до неподвижности, то очевидно, что народ, сделавший большую часть основных культурородных изобретений, не мог быть неподвижным»⁶.

Такая оценка Китая не была для Данилевского чем-то новым. В «России и Европе» он неоднократно обращается к Китаю, этому символу «застоя и коснения» для европейской историографии, чтобы подчеркнуть: «Везде... где только гражданственность и культура могли развиваться, они имели тот же прогрессивный характер, как и в Европе». Чуждость же Китая европейской культуре определяется его принадлежностью к иному культурно-историческому типу, что, однако, не может служить основанием для «умаления» достижений китайской культуры: «Китайцы имеют громадную литературу, своеобразную философию, весьма, правда, несовершенную в космологическом отношении, но представляющую... здравую и возвышенную систему этики... Наука и знание нигде в мире не пользуются таким высоким уважением и влиянием, как в Китае».

Уже после смерти Данилевского Соловьев в ряде статей (1888–1890) резко критикует его теорию. В качестве же практически единственной «проблемы» для эволюционного подхода к истории Соловьев признал Китай. Более того, он даже делает вывод, что только Китай может служить доказательством правильности теории Данилевского, поскольку действительно является совершенно уникальным историческим явлением.

В те годы Соловьева беспокоило положение дел не столько на Востоке, сколько в самой Европе. Идея прогресса — вот то, что, по мнению Соловьева, европейская культура может противопоставить китайской: «Противоположность двух культур — китайской и европейской — сводится в сущности к противоположению двух общих идей: порядка, с одной стороны, и прогресса — с другой. С точки зрения порядка важнее всего прочность социальных отношений, идея прогресса требует их идеального совершенства... Что Китай достиг прочного порядка — это несомненно — насколько европейский прогресс ведет к социальному совершенству — вот вопрос». При всей своей приверженности идее прогресса Соловьев был весьма далек от безусловной уверенности в реальной возможности его подлинного осуществления европейской цивилизацией. Эти сомнения, безусловно, составляют важную особенность работы Вл. Соловьева о Китае.

В целом же полемика между Данилевским и Соловьевым и эволюция философско-исторических взглядов последнего отразили продолжение в русской философии последних десятилетий XIX в. процесса своеобразной «переоценки ценностей»: серьезного переосмысления стандартов упрощенно европоцентристского подхода к восточной культуре. При всей сложности и противоречивости этого процесса он, безусловно, происходил, причем в первую очередь под воздействием развивающейся отечественной востоковедческой науки и объективно способствовал формированию в русской культуре реалистических представлений о дальневосточной культурной традиции.

⁶ Данилевский Н. Я. Сборник политических и экономических статей. СПб. 1890. С. 275–276.